

18+

Нетривиальность

сентября

КНИГА СТИХОВ

Андрей Сутоцкий

Андрей Сутоцкий

**Нетривиальность
сентября. Книга стихов**

«Издательские решения»

Сутоцкий А. М.

Нетривиальность сентября. Книга стихов / А. М. Сутоцкий —
«Издательские решения»,

«Никогда не берусь за стихи без желания увидеть и прочувствовать, так как вдохновение — это стопроцентная концентрация внимания. В стихах размышляю, рисую, отдыхаю, перемещаюсь в пространстве и времени. Созданное не отношу ни к какому стилю и ни к какому жанру, поскольку поэзия — категория высших чувств. Данную книгу составляют стихи 20-х годов».

Содержание

ЧУЛАННЫЙ ХРАМ	6
ПОРТРЕТНЫЙ НАБРОСОК	8
НА БЛЕСНУ	9
КАЧОК	10
ПРИЯТЕЛЮ ВОЛОДЕ	11
НА ДЕВЯТОЕ СЕНТЯБРЯ	12
ПЕРЕД ФАКТОМ	13
НЕВЕСЁЛЫЙ ДЕНЬ	14
ДРУГ ОБЛОМОВ	15
ПРЕЙСКУРАНТ	16
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СВОБОДЫ	17
ИЗ НАБИВШИХ ОСКОМИНУ	18
ВЫРОЖДЕНЕЦ	19
ПЕЧАЛЬ СВЕТЛА	20
В ПОЛНОЧЬ	21
ОСЕННИЙ КЛЁН	22
ЦАРЁК	23
ПОКОЙ БЕСПОКОЕН	24
ДРУЗЬЯМ-КОЛЛЕГАМ ПО ПЕРУ	25
В ОДНОМ НАПРАВЛЕНИИ	26
К СЛОВУ СКАЗАТЬ...	27
ЗЕМНЫЕ ГОРОДА ПРЯМЫХ УГЛОВ	28
В НЕСОРАЗМЕРНОСТИ ЦЕНЫ	29
СКЛАДСКАЯ ЗАРИСОВКА	31
В КОНЦЕПЦИИ ЗЕМНОГО БЫТИЯ	32
КТО ГРЕЗИТ ПРОШЛЫМ...	34
В КАЛЕЙДОСКОПЕ МЕЖСЕЗОНЬЯ	35
ВО ВРЕМЯ ПОХОРОН	36
СНОВИДЧЕСКИЙ АНГЕЛ	37
СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК	39
И ТЕ, КТО СТОЯТ НА ПУТИ	40
ИЛИ — ИЛИ	41
В СНЕГЕ ЯРКОГО САЛЮТА	42
УЖЕ И СКОРО	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Нетривиальность сентября

Книга стихов

Андрей Михайлович Сутоцкий

Дизайнер обложки Андрей Михайлович Сутоцкий

© Андрей Михайлович Сутоцкий, 2026

© Андрей Михайлович Сутоцкий, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-2255-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧУЛАННЫЙ ХРАМ

В залежалом чуланном храме
Места нет утонувшим в хламе.
Ни аркад, ни просторных маршей,
Атрибутом киношным ставших,
Не найти там, в чуланном храме...
Паутина в оконной раме —
Вроде тюли... А свет — пятном
В сокровенном углу одном.
Чтобы жить там — потребен навык.
Не лачком раритетных лавок,
Не пыльцой молевых ларцов
Удостоен, в конце концов,
Этот жалкий квадратный локус...
Там, в коробке — пожухлый глобус...
Рядом — стопка известных книг...
Непонятный иконный лик
Мелкой сетью усеян трещин...
А на стенке пять голых женщин
В виде старых открыток, плюс
Популярный китаец Брюс.
Вот сижу я в чуланном храме
На убитом вконец диване
И смотрю на буфет, а там —
Столько пицци моим мечтам,
Что не всяк капитан исполнен...
Шумно бьют за буфетом волны,
Поднимая в ветрах корвет...
Паруса... Им пощады нет...
Аж гудят от натуги, рвутся
Синим цветом на каждом блюде,
Что забыты в буфете том...
Юрий Визбор — неброский том.
Подошёл я к окну чулана,
А в окне — островки шафрана,
Голубые полянки, пни,
Деревенских домов огни...
И подумалось мне по ходу,
Что всецело обрести свободу
Нереально среди витрин
С барахлом золотым внутри.
Не оттоль в бардаке чулана
Так бессовестно лгут желанья
И горят на руках часы,
Что вот-вот разорвут пузырь
Поэтических грёз несмелых?..

Уезжаю. Пора на смену
В беспричинно-инертный сон,
В неохватный, как жизнь, сезон.
В залежалом чуланном храме,
Мятных трав опьянён духами,
Не решаюсь уйти, пропасть...
Не могу надышаться властью.

ПОРТРЕТНЫЙ НАБРОСОК

Так это он — король вчерашний
С витой цепочкой на груди?..
Блестит клыком, а сам... — нестрашный.
Вот только знанием смердит.
Его, как якшего бульдога,
Выводят в садик погулять,
Чтоб он полаял там немного
Да мог букашек погонять.
Коротконог, глазаст и важен,
Он носит галстук и костюм,
Ладонкой женскою отглажен...
А сквозь костюм дымится ум.
Но в доме малого не любят,
Что не по сану лижет кость.
Вчера был ум, а нынче — глупость,
Перерастающая в злость.
Наверно, чувствует, мерзавец,
Что по природе новых лет
Нельзя трусливым быть, как заяц...
Софизм — его иммунитет.
А был — король... И под короной
Чернели шустрые глаза...
Как вот уже стоит за троном
С гримасой битого туза.

НА БЛЕСНУ

В тумане северных просторов ледяных
Творит учёнейший фантаст — Сергей Пьяных.
Как шрифт плаката он открыт и неподвзят.
Из-под густых бровей глаза его глядят.
Он может многое по-новому создать,
Любого Лемма, так сказать, переписать...
И сразу хочется спросить — ужель берёт
Он только броскою обложкой?.. Напролёт
Сидит неделями, склонившись над бюро,
Всё что-то скыркает компьютерным пером...
Блестят зрачки его — два лазерных луча.
Дымит столешница, под взглядом горяча.
И вот что странно: как на вёртку блесну
Клюют издатели фантаста... «Обоснуй
Причину клёва, дорогой Сергей Пьяных...», —
Ему вопросик задаёт со стороны
Какой-то маленький, щедушный старичок, —
Фанатик постапокалиптики. В пучок —
Седые волосы. Рюкзак, что сдут на треть.
Любитель острого — не дрейфит умереть.
И отвечает старичку Сергей Пьяных:
«Я знаю, чем увлечь издателей моих...
Побольше перчика, эротики, ракет...
Ужель не знаете?.. Классический макет.
В стране, где гении пылают на кострах,
А многожанровость давно уж не пестра,
Нелишне, спрятавшись за гладкое словцо,
Создать своё литературное лицо».

Фантаст в провинции — почти антропитек,
Завсегдатай всевозрастных библиотек,
Где средь преступно позабытых старых книг
Читает Чапека знакомый нам старик.

КАЧОК

Почти бежит... — атласный щёголь,
Здоровячок в рассвете сил,
Румянолицый, краснощёкий,
В качалку с гирей на оси.
Куртёшку алую полощет
На нём ответный ветерок...
Каков герой!.. Куда же проще
В желанье выпустить парок.
А в той качалке закадычной,
С набором цен и сторожей,
Качают бёдра морды бычьи
С глазами редких сволочей.
И вот он миг: приятный мальй,
Сорвав с себя а ля тряпьё,
Пошёл стучать во что попало,
С железом биться, ё-моё.
Так ведь не зря ж поставил целью
Здоровячок в рассвете сил —
Сыскать от грусти панацею,
Ограбить здешний магазин.
И бычьи головы с восторгом
Глядят на нового быка...
А в небе — виски да икорка,
Что задавила облака.

ПРИЯТЕЛЮ ВОЛОДЕ

И вот вам... — бард провинциальный,
Широкополой шляпы друг, —
Гремит струной одноканальной,
Меж половиц вонзив каблук.
Хрипя наждачным баритоном,
Тошнит он зал тоскливых лиц.
Ну чем не рыцарь взглядов томных,
В любви несведущих девиц?
Завсегдатай кафешных сделок,
Объединений, грёз и встреч,
Он натурально кормит белок,
Что могут рыжестью зажечь.
Он друг походов и привалов...
И под густой аккордный ритм
Себе он ставит десять баллов,
Сквозь древо деки правду зрит.
Но, согласитесь, был бы богом,
Когда бы жил в посёлке он,
Где истых знахарей немного:
Завмаг, парторг и почтальон.

НА ДЕВЯТОЕ СЕНТЯБРЯ

(акварель)

Комбинат родного города.
Дискомфорт дымящих труб.
Но да нет для грусти повода —
Жизнь случается не вдруг.
Солнце. Осень. В меру облачно.
Всюду яркие цвета.
А вокруг светила — обручи
Светового волшебства.
Ну какая загазованность?..
Что ты, друг, — забудь, забудь...
Взгляды наэлектризованы,
Как проявленная суть.
Взгляды тешатся картинками,
Фантазийным озерцом...
Память крутится пластинкою...
Марк Бернес, в конце концов...
Осень листья только тронула,
Пожелтила кое-где...
Ни урана, ни плутония,
Ни примет, что мир в беде...
Смотришь, господи — идилия...
Ложь своих не выдаёт...
Где ж ты, мощь непобедимая?..
Провалилася под лёд?..
Словно грудь предстала девичья —
Сопка Ниттис. Красота.
Чуть правее, по ступенечкам,
Сходят с неба холода...
Там бескрайними пространствами
Простирается вода...
Никаким известным транспортом
Не докатишься туда.
Да и лес ещё — с иголки,
Листик к листику... Ты глянь...
Всё по клеточкам, по полочкам...
Где тут благо, где тут дрянь?..
Сколько силища в природе-то,
Что способна даже смерть
Превратить на время вроде бы
В солнце, золото и медь.

ПЕРЕД ФАКТОМ

Какая глупость — строить планы,
Авансом сумки собирая...
Расплавит факт любые сплавы,
Вгрызаясь в планы, как пиранья.
Всегда найдутся пеликаны,
Что клюнут клёвую подножку.
Вчера планировали в Канны,
А ныне кличем неотложку.

И вот лежу я, распластавшись,
На плитке мраморного пола,
Не шевельнуть ногою даже,
По самый верх блаженства полон...
Боюсь, что вновь его поймаю —
Прострел в спине. Какая прелесть!..
Но инцидент не принимаю —
Не верю — первое апреля...
Чихать хотели мира судьи
На наши страстные желанья...
Хоть запредсказывайтесь, скудны,
Провидцы, ваши пожинанья.

НЕВЕСЁЛЫЙ ДЕНЬ

А день сегодня пасмурный и квёлый.
Поэтому и зритель невесёлый.
Нависли тучи. Вяжется тоска.
Ни в чём, кроме бутылки, не сыскать
Отдохновенья. Шатки времена.
Давно ль сидели ноги в стременах?..
Давно ли кони нас с тобой несли,
Топтали в пыль копыта ковыли.
И вот он час — прогорклая трава...
Схватил бы меч, да, видно, староват...
Сажу на печке с шахматной доской
И провожу сеанс с моей тоской.
А на столе — графинчик из-под пола,
Хрустящий лист капустного рассола...
Глотни стопарь, листочком закуси
И... — грусть-поганка, ноги уноси.
Да, день сегодня пасмурный и квёлый...
А может быть, разжечься рок-н-ролом?..
Достать гармошку, пальцам дать забот?..
Но грусть сильна и сердце не поёт.
Спешу к реке. Природа потемнела.
А ведь вчера листвою ещё звенела.
Довольно странно видеть мир в тоске,
Как будто жизнь висит на волоске.
Река мутна, ленива и бездонна.
Ветвится роща голо и бездомно;
Ломая сучья, лезет к облакам...
Да всё понятно... Что тут полагать?..
А день сегодня, правда, невесёлый.
Иду домой, как двоечник со школы.

ДРУГ ОБЛОМОВ

Лежебокствуй, друг Обломов,
Не в ладу с ленивым телом!..
В пёстром мире эталонов
Много всяческих подделок.
Ну а так — бережешься,
Ежли титул позволяет;
В ткань диванную вплетёшься,
Дурака весь день валяя.
Только в дураковальянье
Грош цена красивым фразам,
Аще ты, халат диванный,
Не доказывал ни разу
Делом силу убежденья...
Мож, наслушавшись химеры,
Стать и нам послушной тенью
Мудреца, что мудр без меры?..
Так же кинем на диваны
Свои немощные плоти
И почим, в себя вливая
Леность праздности напротив...
Ну зачем тебе именье,
Философствованья эти,
Когда лень спасая ленью,
Ты, Филон, подобен смерти?

ПРЕЙСКУРАНТ

Финансисты воюют за деньги.
По коровнику бродят шуты.
Духи-ангелы делят владенья
И танцуют у самой черты...
Духи-ангелы. Что же влечёт их
Наблюдать бессознательный нрав?
Расцвели от малины зачётки.
Возраженья закрыла икра.
Да гори оно всё!.. Развевайтесь,
Кумачи горбоносых творцов!..
Финансисты в брильянтовом вальсе.
Беднота облепила крыльцо.
А в коровьих глазах распроклятых,
Где скопилась на выход слеза,
Столько правды и боли распятой,
Что холстиной висят небеса.
Кирзачи топчут жижу навоза.
Матюгом приколочен забор.
А в Анже гималайские козы
Открывают английский футбол.
Финансисты устали от денег.
Оттого ли, что жизнь коротка?..
Ищет вечность (вниманье предельно)
Телескоп, утонув в облаках.
Как мы пошло обмануты смрадом
Золотых до говна сорняков!..
Так и хочется плюнуть в парадной,
Благонравно поправить богов
И, к Джоконде привив перфоратор,
Откопать древний мир до ядра...
Но коровник иного формата.
Вологодская ночка. Дыра.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СВОБОДЫ

Асфальтом мокрым ночь блестит.
Певца опять подводят струны.
На кухне в «сталинке» сидит
Он на полу, худой и юный.
Ему всего-то шестьдесят,
Но на плече, и это повод,
Уж сорок лет огнём палят
Два жарких знака — серп и молот.
А на устах — то брань, то песнь...
В зубах гуляет папироса...
Как есть, тюрьма не сбила спесь —
Нос заострён, в глазах угроза...
С лепных высоких потолков
Лучатся лампочки в патронах...
Но свет без водки бестолков,
Как без кастрюли макароны.
«Свобода... Тьфу!.. Кругом тюрьма.
Чуть что не так — ныряй в браслеты...
Да, брат, горька твоя хурма...
Сплошная сладкая конфета».
Безногий стул. Безногий стол.
У раскладушки — радиола...
Гитара съехала на пол...
Певец уснул, и пьян, и гол...
Свобода — джазовое соло.

ИЗ НАБИВШИХ ОСКОМИНУ

Сигизмунды готовят бульоны,
А Иваны гремят поварёшками,
Похваляясь короткими рожками
В бессловесно-синхронных колоннах.
Мудрецов не становится меньше.
К ним прибавились умные лодыри.
День и ночь с молотками о... родине...
Надрываются рупоры перших, —
Тех, кто в бубны стучит пред лампадами,
Оскверняется иезуитами,
Чтобы выбить победу буллитами,
Свив гнездо меж мандалой и мантрою.
Но пусты карнавалы обманщиков.
Бога нет там — лишь блажь бутафорская,
Плётка хрома да злато фаворское,
Что заочно попами растащено.

Сдёрни кальку, наивный товарищ,
С пасторальки, что схожа с рассадюю
И увидишь такую, ***, ссадину,
Что до срока в могилу сыграешь.
Устыдись же, как глуп ты и слеп,
Примитивен до цвета плакатного.
Уверяю, эффект — аппликаторный...
Так что так, господин Имхотеп.
С кем остаться тебе, дорогой?..
Чем утешиться, правдой какою?..
Той, что катится чёрной рекою,
Или той, что кричит пустельгой?..
Догони этот крик соколка,
Кой сумел преподать свою смелость...

Но рабы воспевают измену.
Были рожки, а стали — рога.

ВЫРОЖДЕНЕЦ

В неизменяемой среде
Живёт инертный обыватель,
Неповоротливый мечтатель,
С самим собой наедине.
Он чуть умнее букваря,
Но не глупее оппонента.
Да-да, хватáет аргументов, —
Они в зрачках его горят.
Он рад попутному кивку,
Руке, пожатой мимоходом...
А то, что льстят ему в угоду —
Про то нет дела дураку.
Он вырожденец. Говорят
О том банальные приметы:
Тупое ржание, кастеты,
Ленивый трёп про женский зад...
Но он — мечтатель... Уважать
Спешат его друзья подъездов, —
Гордятся им: «Великий бездарь!..
Заметьте — джинсовый пиджак...»
Маячит бездарь на пути,
Подобно мусорному баку,
И... в волосах его буйраках
Воронья опера гудит.
И, напрягая узкий лоб,
Торча, как дырн — не сдвинуть с места,
Герой бормочет: «Я — не бездарь.
Я — перспективный остолоп...»
Вокруг него цветут кусты,
Бегут кудлатые собаки...

И свято верят анунаки,
Что это брат их со звезды.

ПЕЧАЛЬ СВЕТЛА

светлой памяти Владимира Печникова

По степи ветра шныряют
И как мантру повторяют:
«Где ты, друг?.. Развей врагов,
Добрый дядька Печников!..»
Кони гривами рисуют,
Танки в зыбели буксуют,
Вулканируют враги...
Где ты, бравый, помоги!..
Стали чувственней печали...
Дни, что радостью встречали —
Тенью долгою легли.
Раскалились угли
Звонких кузниц...
— Что куёте,
Раскалив узоры, вьёте,
Молодчаги-кузнецы?..
— Так ведь глас во все концы
Обошёл края родные...
Не напишет больше ныне
Ни мелодий, ни стихов
Добрый дядька Печников.
Отошёл весёлый малый
В мир иной...

Летит устало
На закат последний клин
Журавлей... Слезой стекли
По стеклу воспоминанья...
Только что-то с осознаньем
Происходит — не пойму...
Значит, судя по всему,
Смерти нет... Душа-то знает —
По каким виткам гуляет
Добрый дядька Печников...
...смотрит из-за облаков
И смеётся вновь и снова...
— О, здорово, дядя Вова!..

В ПОЛНОЧЬ

В безлунную ионевую ночь,
Когда играют в карты привиденья,
Да так, что не узнать их поведенья,
Душа стать богом жадаёт возмочь.
Настырно тело требует любви,
Спеша за ней по замкнутому кругу...
А с неба — крюк сталистой закорюкой...
Знать, не сносить кому-то головы.
Деревья, зданья, люди, фонари —
Почти руины, твёрдые частицы...
Легко ли будет им соединиться
В огромную планету?.. Раз-два-три...
Чтоб снова нас удерживать, тянуть
И разрывать, не дав освобожденья;
Чтоб дух, окаменев до убежденья,
Плутал во тьме... Так просто обмануть
Его свободой плоской темноты,
В которой есть духи, шуршанье ткани,
Смазливый женский опыт хулиганский
И элемент бесстыдной красоты.
Слепой фонарь уставился в туман.
Схожу с террасы в полночь на гитару,
Где у костра на ниве песен старых,
Как привиденья, барды пьют дурман.

ОСЕННИЙ КЛЁН

Ладони осень иссушила,
Дождями линии свела,
Узором крови обагрила,
Излив с холодного котла
Свечной закат. Шурши кострами
И прогорай, приветный клён.
Широколистный вид твой странен:
Как лопухий карлик-слон
Стоишь и с ветром в диалоге
Обманной прелести не зришь.
А смыслы — в скором эпилоге
Осенней сказки... Облетишь.
И будут рвать тебя, беднягу,
Бураны хваткой ледяной,
Пустив под снежную бумагу
Твой легкомысленный покой.
И будут искристые боли
Гулять неоновым огнём
По веткам, связанным неволей,
Тугим увитых полотном.
Но корни долго спать не могут.
И вот в оттаявшей земле
Тончайшей стружкой тронут боги
Твой гибкий стан — тепла теплей.
И где он, снег?.. И был ли снегом
Вчерашний мир — поймёшь не вдруг.
Цветёт октябрь. Восторг и нега.
Печаль и...
сердца перестук.

ЦАРЁК

Плюгав, презрителен и дерзок,
Обрёл внимание царёк.
Не открывая занавесок,
Снискал он тёплый уголок.
И там, оформив тихий сайтик,
По трафарету, на ура,
Забыв, что сам он не писатель,
Привлёк сотрудников пера.
И те друзья, понятно дело,
Уставу следуя во всём,
Старались пышно и умело
И всяк желал быть образцом.
Плелись интриги, возникали
На ниве творчества бои...
Но царство тем и уникально,
Что есть чужие и свои.
Своих, послушных и примерных —
Хозяин щедро продвигал,
Чужих — хитро и планомерно
Поодиночке выживал.
И виртуальные персоны,
С учётом баллов наградных,
По слогу, духу и фасону
Напоминали крепостных.
Шуты в любимчиках ходили,
Льстецы петляли пуще лис
И бесталанно выводили
Себя пинком из-за кулис.
К сиянью мнимого Парнаса
Стекалась бездарей река!..

Что продолжать — и так всё ясно,
Коль самый малый дубликат
Системы общества нам кажет
Всё тот же ряд знакомых лиц.
Зарегистрироваться?.. Как же... —
Кругом звенят ключи темниц.

ПОКОЙ БЕСПОКОЕН

Исполнен покой беспокойных энергий,
Опасно гудящих предметов и тайн...
Логичные доводы неба низвергнув,
Плодятся тревоги, как шумный Китай.
И строчки, и цифры, и знаки, и даты
Предельно нечётки — пойдя разберись,
Поверь в этот самый огонь благодатный,
Когда в пуделька облачается рысь;
Когда в откровенно притупленных чувствах
Душа нараспашку и боль не впритвор...
И веру сжевал, словно листик капустный,
Бодливый козёл, на предательство скор.
Погодь обольщаться, коль факел зажжётся,
В пугливых сомненьях проявится путь...
Поверь, в этом мире неправды найдётся,
Отыщется тот, кто решится задуть...
Поэтому будь до всего осторожен,
Себе поручая себя испытать...
А вера отчаянно требует: «Боже,
Найдись хоть один, кто не смог бы проспать!..»

ДРУЗЬЯМ-КОЛЛЕГАМ ПО ПЕРУ

Друзья, я знаю, вас — немало,
Кто видит правильной меня,
В ком всё горит огонь усталый
И мысль прозрения полна.
Мне восхищаться вашим слогом,
Лазурным крыльям за спиной!..
В трудах имея дело с Богом,
Не знать вам участи иной.
Я вам завидую. Ещё бы!..
Но зависть... совестью чиста.
И так меж нас хватает злобы
От глаз до кончика хвоста.
Довольно жить, вдыхая в себя
Бурьянный дым, что вширь и вдаль!..
Чем плох, скажите, дух весенний,
Рассвета розовый хрусталь?..
Доколе нам тянуть пружины
Своих причуд глухонемых,
Когда сердца любовью живы?..
(а мы сдаём её на жмых...)
Но как находим мы друг друга
Без звонких выгод и утех?..
Входя фактически без стука,
Без ожиданий и помех
В незримый мир, где ценят свято
Единый разум бытия.
Чем заплатить за вход, ребята?
Лишь тем, что есть на свете «я»?

Так мож, не стоит продаваться
Лгунám кокосовых газет?..
В окладе лжи смешно пытаться
Творить стихи душе во вред.

В ОДНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Ничто не может изменить
Преступный ум продажных тварей,
Всегда работающих в паре
С лукавым мастером. Шутить
Не смейте с ним — он пуще нас
Осведомлён в натурах подлых,
Лишь позволяя прыгать подле
Злоухищрённых красных глаз.
Ничто не может нас укрыть
От силы зла: ни ум, ни глупость.
На всякий рост найдутся клумбы,
Чей запах может задурить
Любую голову. Не прячь
Себя за фразами великих,
Когда лукавы даже лики
И... Богу молится палач...

Лишь только там найдём себя,
Где тьма и свет вершат прозренья,
Где лют, достойную презренья,
Отнюдь не держат на цепях.
Не оттого ль ещё сильней
Кипит Любовь, что только тлела...
Вершат своё злодеи дело,
При этом помня про людей.

К СЛОВУ СКАЗАТЬ...

*«Гарун бежал быстрее лани,
Быстрее, чем заяц от орла...»
М. Ю. Лермонтов*

С ослабшего мира остаточных судеб
Герои сбегают, как крысы с посуды,
Устав в невротических потугах тренькать,
Когда на кону — грандиозные деньги,
Что, видимо, могут исчезнуть в момент.
Прощайте друзья, господа, президент...
Израиль — вот верная цель беглецов,
Где можно ещё отутюжить лицо
И выдать за новую свежую рожу,
Которая будто всё так же похожа
На прежнюю... Только трясётся губа
И мимика, надо же, стала глупа...
К тому же и голос взлетел на октаву...
Зато Копенгаген, Торонто, Оттава...
А с юмором как же? А с юмором — швах.
Теперь он болтается где-то в штанах,
Теперь он ворчит и ругается Моськой,
Что метким пинком получила по моське.
Сбежали ребятки, спужались тюряги...
И вот, выдвигая в нелепой отваге
Квадратную челюсть своей правоты,
Глаголят о Родине... Bravo, скоты!
А кто-то ведь, знаете, тли не спужался —
В несчастной России с народом остался...
Заметьте, не с властью системных лжецов,
А с горькой бедой матерей и отцов.

ЗЕМНЫЕ ГОРОДА ПРЯМЫХ УГЛОВ

Земные города прямых углов:
Суровых зданий, шпилей островерхих...
Округлым формам места не сыскать
В несложной геометрии кубов.
Вот нервная рука ведёт курсив...
Донос готов. Расчётливый штрейкбрехер
Кладёт поверх квадратную печать
И перстеньковым пальчиком грозит...

Ты прям и остр, почти науковед,
Дугообразных форм не замечаешь...
И даже в солнце видишь ты квадрат.
В прямоугольныйходишь кабинет...
И где ты там?.. Почти хамелеон,
Сравнялся с подавляющим началом,
Чью неэпичность высмеял Сократ,
Прямых углов шагнув за миллион.

«Опять бунтуют... — главный говорит.
— А ты, приятель, что же не бунтуешь?
Штрейкбрехерствуешь?.. Право, угловат...
Тоска с тобой. Полнейший дефицит
Округлых линий. Или я не прав?
А если округлить единодушно
С тобою нам невзрачный наш квадрат
Обычным циркулем, за ангела избрав?..»

Земные города прямых углов.
Чертовски зябко в этом неуюте!..
Как судном рассекается волна,
Так, не жалея каменных зубов,
Живое рвёт, по нитям распустив,
Холодный цех побед сиюминутных...

Но как антично вьётся виноград
Над полукругом арок и аркад
И... круглой кружкой доброго вина,
Которым бог поэта угостил!..

В НЕСОРАЗМЕРНОСТИ ЦЕНЫ

посвящается Василию Быкову

1.

Он вышел в ночь, он вышел в снег
И быстро вёл отряд.
Отряд — двенадцать человек,
На лыжах не стоят...
Команда разных возрастов,
Способностей и сил.
Навислой темени простор
Фантазию будил.
Один отстал, другой отстал,
А третий был убит.
Ракетный свет его поймал,
Что гроздьями висит.
Во все концы — собачий лай,
На каждый хруст и вздох...
Беги от света, налегай,
Чтоб не застал врасплох
Тебя треклятый автомат,
Веди лыжню, не дрейфь...
Пройти за ночь шестьдесят —
Эт вам не лечь на дрейф.
А тот, кто скоро вёл отряд —
Усталости не знал.
Он сам поймал огня каскад,
Был ранен и... хромал...
А план был дерзок и непрост —
Артиллерийский склад,
Где для московских красных звёзд
Готов был звездопад.
И, потеряв ещё двоих,
Измотаны в снегах,
Пришли на место семь живых:
Вниманье — невпопад.

2.

И сон как смерть и смерть как сон...
Сквозь сон дозорный зрит,
Как по шоссе рекой колонн
К Москве война бежит.
Зловеща маска палача —
Насмешка, злая власть...
«Когда?!.. С какого горяча

Я сделал ход не в масть?!..»
Ни базы нет, ни склада нет...
Колючка да столбы.
И первый шепчет: «Что за бред?..
Нет-нет!.. Не может быть...»
А память — болью прямо в грудь,
Разбрызгивая кровь...
Бойцов погибших не вернуть,
Раз снег уже багров.
«Я виноват и мне держать
Ответ, коль суть ясна...
Найти, взорвать, но не бежать...
Поговорим, война...»

3.

Бойцы отправлены назад.
В глазах укор и стыд.
А командира взял азарт,
Ведь, право, не убит...
С юнцом солдатиком вдвоём
В одной из деревень,
Упав ничком, ползли ползком,
Врагу оставив тень.
Но вот он, чёрт — случайный фриц,
Что метит прямо в грудь...
«Соображай... играем блиц...»

Упал и... не вздохнуть —
Лежит упрямый командир...
В сторонке — мёртвый фриц...
Юнец-солдат его сразил
Одной из единиц.
Блуждали долго. Кое-как
Промучившись в аду,
Один, сражён, упал в овраг,
Другой, презрев беду,
Унёс с собой, себя взорвав,
Двух немцев-дураков...

Воронка, красная трава
Да снежный хор ветров.

СКЛАДСКАЯ ЗАРИСОВКА

В родной грязи изгвазданных подъездов
И шатких круч поддонных пирамид,
Разверзнув пасть, по-свински занял место
Архитектурный скучный монолит.
Короче — склад, — картофель в нём хранится...
Скрывает мрак громоздкий вид корзин...
И ни души. Лишь крыса копошится,
Самозабвенно нюхая бензин
Под тряпкой чёрной. Видя эту сцену,
Унылый трактор, год не выездной,
Стоит у стенки гордым офицером
И ждёт свой ключ с головкой накидной.
А где-то там, в просторном чёрном поле,
Где свищут ветры с запахом ботвы,
Стоит другой, сломавшийся невольник
И тупо смотрит взглядом лобовым.
Мельчат дожди, отпрыгивают капли
От ровных гряд, похожих на вельвет.
И слышен мат к тому, что некий клапан
Пора снести с достоинством в клозет.
И снова склад. Лениво бродит сторож.
Он пьян и добр, почти интеллигент...
Ка б не рукав, что доверху оторван,
Ка б не пакет, что на ногу надет.
Лицо в морщинах, ветром не разгладить...
Погодь с вопросом. Лучше промолчи.
— Но где ж хозяин склада? Ждать накладно.
— Так он эта... уехал... в Бррровичи...

В углу погрузчик брезжит рыжим боком.
Ужель рабочий? Ключики — в замке...
А прям на вилах — толстая сорока...
Поёт «Кино» на финском языке.
А в вышине над аркою покатою,
Где на тяп-ляпе держится кирпич,
Из красной рамы с видом невропата
Во оный бред тарашится Ильич.

В КОНЦЕПЦИИ ЗЕМНОГО БЫТИЯ

Отравили людям души.
Отравили.
Даже облик их наружный
Изменили.
Электричество повыбили
По ночи.
Красным пафосом повздыбили
Рабочих.
Повсемест фосфоресцирует
Отрава.
Превращают целость циркули
В анклавь.
Да какое государство — скрипый
Кульман.
Вдавлен в ссохшуюся скрипочку
Окуроч.
Хоть издохни — положенье
Не исправишь.
Двести граммов в утешенье...
А добавишь —
То и дьявола увидишь
Ангелочком.
Вот какая, ***, обида,
Заморочка.
Что, к попам идти за жалостью?..
Не надо,
Чтобы жизнь не превращалась
В клоунаду.
Бог и так всех этих тварей —
В гроб обманом,
Что взвели себя едва ли
Не в брахманы.
В этом мире не даруются
Ответы,
Так как в душах чередуются
Два цвета.
Но всему есть окончанье,
Смысл известен —
Поменяются печали
На возмездье.

Ну и где ж она та жуткость
Опьянения?..
Даже ад предстанет шуткой

В обвинены.

КТО ГРЕЗИТ ПРОШЛЫМ...

И где ж та глупая влюблённость?..
Стишком нестройным отцвела,
Сошла на землю рыжим клёном,
Следы порошей замела...
Но сердце бьётся не без смысла.
И опыт прошлого — не пыль.
О, не вертись крючком капризным,
Несостоявшаяся быль!
Не перечись мистификаций
Сопровождающих тебя,
Романтик лёгких иллюстраций,
Идущий слепо по стопам
Богов любви. Так где ж твой разум,
Ослепший баловень?.. Очнись!..
Не возвращайся в сон напрасный —
Костёр развеян, убедись...
Смотри — все функции в пределах...
Вот-вот запнёшься, упадёшь...
Ты мучим совестью?.. Не дело.
Кто грезит прошлым — множит ложь.

В КАЛЕЙДОСКОПЕ МЕЖСЕЗОНЬЯ

Межсезонье. Бравада нестойкая.
Жизнь субботняя с горькой настойкою.
Объяснения чувствам. Растерянность.
В каждом крохотном дельце — истерика.
Кто-то бьётся над формулой бытности,
За границы условности вытеснен.
Кто-то вновь в диалоге с природою
Изгаляется в срам, как юродивый.
Кто-то мечется с факелом правды, но
Остаётся с кадилом и ладаном.
Кто-то, кто-то... А мне — ветер с холодом,
Слон фарфоровый с поднятым хоботом,
Оттоманка с неярким светильником
И книжонка под толстым будильником.
Межсезонье. Мечта быть не признанным.
Боль в суставах — скрипичная музыка.
Блики, птички, сверчки с флажолетами...
И... горячее кофе с галетами.

ВО ВРЕМЯ ПОХОРОН

В унылом дворике с кадилом рваных туч —
Гирлянды траурных венков да лент атласных.
Под стать монахиням, противны, но прекрасны,
Воркуют женщины о том, как был могуч
Умерший. «Господи! — поёт одна из них, —
Доколе будешь ты творить свои загадки?..
Чем не угоден был тебе наш друг закатный,
Добропорядочный и честный гражданин?..»
По чёрным платьям преломляются лучи
Дешёвых брошек, блёстких пуговок и бусин.
Мужчина в шляпе возмущается: «Допустим...»
Другой одёргивает: «Слушай, помолчи...
Проблемы с сердцем... Но ведь бабка у меня
С двумя инфарктами пошла за девяносто...
И мыслит вдумчиво, и видит крайне остро...
К тому ж ещё и аппетит, как у слона».
Тревожно. Ветрено. И запахи духов,
Что ветер смешивает в терпкое зловонье,
Течение мысли делегирует невольно
К объекту тления. «Не знаю я, каков
Он был учёный, токмо он уже не здесь, —
Душа его, поди, далё-о-око отлетела...
Опять найдёт она какое-нибудь тело...
А это, вон, иди на вешалку повесь», —
Беззубо шамкая, играя бородой,
Где пальцы цепкие выискивают смыслы,
Вещает старый господин с брезгливо-кислой
Физиономией. Украшенный тесьмой
Выносят гроб и... отправляют в катафалк.
Ударил реквием замёрзших музыкантов,
Что явно думали о выделенных грантах...
И валторнист перетянул диез на «фа».
И вслед процессии, под частый кашлячок,
Мелькнула фразочка с крючочком вместо точки:
«А дом с машиною отписаны не дочке,
Раз претендует на недвижимость внучок».

СНОВИДЧЕСКИЙ АНГЕЛ

Меркнут праведные лики.
Горьким перцем — земляника.
На устах поэта — злость.
На пороге — странный гость.
Молча он садится в кресло,
Осияв знаменьем крестным
Крайне странного себя.
Время — гири на цепях.
Мысли бабочками стали.
Проглотил графин хрустальный
Острый месяц, что блеснул
За гардиной. Сев на стул,
Я спросил: «Какого чёрта?..»
Незнакомец: «Непочётно
Ты встречаешься со мной...
А ведь я — не кто иной,
Как смиренный ангел божий,
На тебя слегка похожий...
Я ведь что хочу сказать...
Что-то начал ты страдать
Откровенной паранойей,
Будто жизнь померкла ноне
Для тебя. Одни угли.
Добры люди помогли
Впасть в такое состоянье?..
Где оно, твоё блистанье?..
Юмор, новые стихи...
Так, довольно чепухи!
Черпай жизнь не чайной ложкой,
А большущей поварёшкой,
Точно вечность пред тобой!..
Пусть кричат наперебой
Пустобрёхи-паникёры,
Что кранты уже нам скоро...
Будь спокоен — не кранты.
Солнце, бабочки, цветы, —
Тыщи дней, ещё устанешь...
Сколько счастья!.. Как представишь —
Дух захватывает!.. Знай,
Даже если близок край —
Нет особенной печали,
Потому как ты в начале
Восхожденья. Там, потом,
В ярком мире золотом,
Вспомнив Землю — устыдишься.

Так чего же ты боишься?
Не бойсь, поможем, друг!..
Изничтожим твой недуг.
Вон и музыка под боком...
Умоляю, ради Бога,
Не досадуй, а встряхнись!
Или в холод окунись.
Здесь, в краях несовершенных,
Не находят утешенья
Только призраки войны —
Души их наделены
Близоруким пониманьем...
Никакие заклинанья
Не изменят их ума.
Есть две силы (свет и тьма)
В этом мире к просветленью...
Но да ладно. К сожаленью,
Надо, друг мой, уходить...
Пару-тройку разбудить
Задремавших... Вот те, кстати,
Книга в помощь... Сей писатель
Не монах, не фантазёр...
Но, признаться, до сих пор
Популярен во Вселенной.
Обращайся непременно,
Если снова загрустишь...
Помогу держать престиж».
И назвавшийся пречудно
Бодро хлопнул по плечу мне
И... в мгновение исчез.
Был немалый интерес
Пробежать глазами книгу...
Но горячую интригу
Потушил звонок часов.
Начинаю день с азов —
Суета, семья, работа...
Как прощаться неохота
Мне со сном... Будильник скис...
Повторите сон на бис.

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Счастливый человек не помнит зла,
И перманентность дней ему не в тягость.
Он видит, как рентген — и сквозь и за,
Как может лишь романтик и бродяга.
Он видит незамусоренный свет,
Без липкого земного притяженья
И, оставляя дымный кабинет,
Не злоупотребляет положеньем...
Поскольку непривязанность его,
Лишённая, казалось бы, геройства,
При невнушённом акте волевым
Имеет героическое свойство.
Счастливый человек не помнит зим.
И мысль его стихов светла и зрима.
Он выступает с сумкой в магазин
За банкой иваси и апельсином...

А вечером придёт к нему она,
Очаровав волшебной пантомимой,
И будет им доподлинно грустна,
Ведь жизнь его бежит, по сути, мимо...
Бежит она всё мимо неких русл,
Что ждут, когда наполнят их печали;
Всё мимо слёз, чей смысл не берусь
Располагать эпиграфом в начале
Приятной бытовой белеберды
С распевками и выпивкой застойной...
Не обрести — мосты разведены,
Раз счастлив по неведению.
Довольно.

И ТЕ, КТО СТОЯТ НА ПУТИ

А правду не любят-то многие...
Особенно клоны двуногие.
Под кальку — и внешне, и внутренне, —
Кругом мельтешат эти нутрии,
Наплывом бегут по накатанной...
Как мир уплотнён дубликатами!..
А гаркнешь, вспугнёшь эту шушеру —
И вот тебе счастья отдушина:
Такое услышишь раздольное,
Что в траур свернётся застольное.
Но есть тут одна заковырина —
Любой может крысою вынырнуть
Из небытия заподвального
В реальность земную буквальную
И, выбрав себе имитацию,
Потребовать с нею считаться... Но,
Видимо, нет основания
Сражаться до изнеможания
За душу, ведя к человечности
Того, кто проявлен к беспечности.
Зато эти серые личности
Из мира когтей и вторичности,
В безумье, соплях и амбициях,
Всегда на пути нам — убийцами.

ИЛИ — ИЛИ

Идёт октябрь. Теперь темнеет быстро.
В глухой деревне в несколько домов,
Переключив один из трёх регистров,
Берёт баян негрустный Иванов.
И там, где свет над люстрой закопчённой
И на дровах не шибко греет печь,
Он оживает, песней увлечённый...
Нелёгкий день с его сбегает плеч.
Яйцо с селёдкой, стопка бормотухи...
А над столом, по паузам звеня,
В унылом свете носятся три мухи
И досаждают... В том ли их вина?
Пусть эта тьма, что зреет за окошком,
В себе утопит всю, что есть, печаль...
«Да так, чтоб, язвы, не было так тошно!..
А то ведь — раз и... — в полымь сгоряча...»
Там, за окном, где силым пеньем птицы
Лишь лютый ветер отныне вдохновлён,
В любой момент так просто раствориться...
Но жизнь сильна. Выходит, есть резон.
Идёт октябрь. Теперь темнеет рано.
И Иванов глядит на циферблат...
«Девятый час... Чего ж нейдёт Степанов?..
Видать, старик на чарку дохловат...»
И снова песнь. Баян аккордом жирным
Изобразил глиссандо в полуметр...
«Ка б если знать — душа горит по жилам,
Иль тот огонь, что выпил и... — привет?..»

В СНЕГЕ ЯРКОГО САЛЮТА

Привет тебе, кирпичная провинция!
Надеюсь, ты простишь мою позицию,
Не станешь уговаривать, как встарь,
Вернуться в заполярный твой алтарь
Буранными стихами?.. Извини.
Как звонко колокольчик твой звенит!..
По Имандре несёшь меня оленьями,
Поёшь в печи еловыми поленьями,
Голодными до жаркого огня...
Кирпичная провинция моя,
Обдай меня пронятыми морозами,
Ветрами разбураненными вдбзымя,
Чтоб цепко перехватывало дух,
Чтоб в верности к тебе я не потух!..
Открой мне горизонты переливами,
Аврорами ночей неторопливыми,
Что, как всегда, в зелёных рукавах
Таят брильянты звёзд на каждый взмах...
Иду-бреду заснеженною улицей...
Озябли фонари, — стоят-сутулятся...
Детишки лепят бабу во дворе.
И тьма, и тьма... Лишь где-то в январе
Над Ньюдайвенчем, будто бы спохватится,
По сопке солнце красное покатится...
А как на сопку в солнышке зайдёшь,
Так на просторах счастья пропадёшь.
Не будь угрюм, мой страж сохатый бронзовый,
Ещё не раз подхватишь пламень розовый
Ты на свои ветвистые рога!..
Не верь снегам — весна недалеко!
Привет тебе, кирпичная провинция!
Встречать тебя — хорошая традиция,
Шагать домой, шагать — стихи слагать,
А дома чай с морошкой попивать.
И, попивая чай с морошкой той,
На краткий миг почувствовать покой.

УЖЕ И СКОРО

...и люди подчиняются машинам,
Порывисто друг друга обходя...
А со стены глядит на них страшила —
Царь Антиох — кибóрг-орангутан.
Блестят глаза, в зрачках алеет лазер...
И всё про всех он знает наперёд.
А чуть в сторонке — термосупервайзер, —
За пять монет жетоны раздаёт.
Царь Антиох следит за каждым шагом,
И каждый вздох он слышит, будто свой.
Ряды кабин. Форматная бумага.
Диктует номер действие. Освой
И ты, старик, нехитрую задачу,
Переродись в послушный экспонат.
И... если повезёт, тебе на сдачу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.